

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-18>

УДК 332.14; 338.2; 339.97; 311.31; 314.18

С. В. Рязанцев ^{а)}, Т. К. Ростовская ^{б)}, О. А. Золотарева ^{в)}^{а, б, в)} Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского центра РАН, Москва, Российская Федерация^{а)} <https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>^{б)} <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>, e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru^{в)} <https://orcid.org/0000-0001-7339-7510>

Система измерений устойчивости социально-экономического развития стран ЕАЭС¹

Сопоставимость статистических показателей как отдельных стран, так и союзов, и их соответствие современным международным инициативам являются серьезной проблемой. В частности, анализ действующего мониторинга оценки устойчивости экономического развития стран Евразийского экономического союза показал, что используемые для него макроэкономические показатели не отражают реальной картины развития стран — участниц ЕАЭС. В связи с этим создание унифицированной системы показателей, определяющих устойчивость социально-экономического развития как государств — членов ЕАЭС, так и ЕАЭС в целом, становится актуальной задачей. Целью настоящего исследования являются совершенствование системы измерений устойчивости социально-экономического развития евразийского пространства и выработка рекомендаций по выбору ключевых параметров. Сравнительный анализ показателей из баз данных международных организаций (ЕЭК ООН, ОЭСР, Евростат, Статкомитет СНГ) и анализ стратегических направлений развития как стран ЕАЭС, так и Союза в целом, позволили сформировать две классификации показателей устойчивости социально-экономического развития государств — членов ЕАЭС: базовую и расширенную. Первая включает годовой дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления, долг сектора государственного управления, уровень инфляции в годовом выражении, удельный вес продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте, удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг организаций промышленного производства, индекс роста доли инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемую продолжительность жизни при рождении, уровень бедности. Вторая — расширенная — классификация включает блоки показателей ВВП, индикаторов роста экономики, основных индикаторов статистики международной торговли, платежного баланса и национальных счетов, социальных индикаторов. Применимость и актуальность предложенной системы измерения устойчивости социально-экономического развития евразийского пространства подтверждается результатами оценок статистических данных стран — участниц ЕАЭС с помощью статистических методов (включая корреляционный анализ). Результаты показали, что авторская система показателей позволяет увидеть реальную картину развития стран ЕАЭС, что, в свою очередь, способствует принятию соответствующих управленческих решений как на уровне стран — участниц ЕАЭС, так и на уровне Союза в целом.

Ключевые слова: Евразийское пространство, оценка устойчивости развития, макроэкономические показатели, динамика ВВП, технологическое развитие, социальная сфера, качество жизни, бедность, демографическое развитие, рождаемость

Для цитирования: Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Золотарева О. А. Система измерений устойчивости социально-экономического развития стран ЕАЭС // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 3. С. 971-986. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-18>.

¹ © Рязанцев С. В., Ростовская Т. к., Золотарева О. А. Текст. 2021.

RESEARCH ARTICLE

Sergey V. Ryazantsev ^{a)}, Tamara K. Rostovskaya ^{b)}, Olga A. Zolotareva ^{c)}

^{a, b, c)} Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation

^{a)} <https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

^{b)} <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>, e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

^{c)} <https://orcid.org/0000-0001-7339-7510>

System for Measuring the Socio-Economic Sustainability of the Eurasian Economic Union

Whether applying to individual countries or unions, the comparability of statistical indicators and their compliance with contemporary international initiatives is a serious problem. In particular, analysis of the macroeconomic indicators used for assessing the sustainability of the Eurasian Economic Union (EAEU) countries has shown that they do not reflect the actual situation. In this regard, the creation of a unified system of indicators for determining the socio-economic sustainability of EAEU member states — as well as the EAEU as a whole — becomes an urgent task. Therefore, the present study aims to refine the system for measuring the socio-economic sustainability of the Eurasian space and develop recommendations for the selection of key parameters. By comparing socio-economic sustainability indicators published by international organisations (UNECE, OECD, Eurostat, CIS Statistical Committee) in the context of the development strategies of individual EAEU countries and the Union as a whole, the authors distinguish between basic and extended indicator types. Basic indicators comprise: the annual consolidated budget deficit; general government debt; annualised inflation rate; contribution of high-tech and knowledge-intensive industries to gross domestic product (GDP); contribution of innovative goods and services to total industrial exports; growth index of the proportion of reconstruction and modernisation investment to total capital investment; fertility rate; life expectancy at birth; poverty rate. Extended indicators include: GDP; economic growth; main international trade; external and national balance of payments; social. The applicability and relevance of the proposed system for measuring the socio-economic sustainability of the Eurasian space is confirmed by statistical analysis of EAEU member state data (including correlation analysis). The results showed that the presented system of indicators reflects the actual development of the EAEU countries, contributing to informed decision-making both at the level of the EAEU member states and at the level of the Union as a whole.

Keywords: Eurasian space, assessment of sustainable development, macroeconomic indicators, GDP dynamics, technological development, social sphere, quality of life, poverty, demographic development, fertility

For citation: Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K. & Zolotareva, O. A. (2021). System for Measuring the Socio-Economic Sustainability of the Eurasian Economic Union. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 17(3), 971-986, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-18>.

Введение

Оценивая возрастающее внимание международного сообщества к статистике как отдельных стран, так и союзов, как к инструменту оценки вклада каждой страны или союза стран в мировое развитие, нельзя не отметить важность создания унифицированной системы показателей, определяющих устойчивость социально-экономического развития государств — членов ЕАЭС, позволяющей осуществлять сравнение и сопоставление фактически достигнутых параметров демографической обстановки, экономического роста, социального благополучия как между странами ЕАЭС, так и со странами «остального мира». Совершенно очевидно, что при разнообразии стран, входящих в состав евразийского пространства, чрезвычайно сложно и, наверное, вообще невозможно полностью абстрагироваться или частично уклониться от выявления особенностей места, роли, вклада конкретного государства

в свете общих достижений ЕАЭС. Более того, такая система показателей позволит разрабатывать обоснованные грамотные управленческие решения как на национальном, так и на наднациональном уровнях.

Сегодня система измерений устойчивости социально-экономического развития должна отражать «устойчивость развития» в более широком смысле, чем просто охват основных макроэкономических индикаторов, требуется гармонизация с основными международными инициативами, среди которых особо следует выделить Марракешское соглашение (в преамбуле которого говорится об «обеспечении полной занятости», «большом и стабильно растущем объеме реальных доходов и платежеспособного спроса») и масштабные устремления Повестки дня устойчивого развития на период до 2030 года.

В целях гармонизации методов измерения устойчивого развития Организацией эко-

номического сотрудничества и развития и Статистической службой Европейского союза (Евростат) разработаны Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития (2014 г.)¹. Из Рекомендаций можно заключить, что значимым критерием для выбора показателей является их наличие и сопоставимость в международном масштабе, и нет четких рамок, определяющих включение того или иного индикатора в национальную систему показателей, оценивающих устойчивое развитие конкретной страны. Бесспорно также, что система показателей устойчивости социально-экономического развития ЕАЭС должна отвечать основным стратегическим направлениям развития евразийской экономической интеграции², ориентирам макроэкономической политики стран ЕАЭС³.

Устойчивость социально-экономического развития на Евразийском пространстве как объект исследования

В целях понимания логики построения системы показателей возникает необходимость разобраться с понятием «устойчивое экономическое развитие».

Под устойчивым развитием понимается «форма развития, отвечающая нуждам сегодняшнего поколения и не ставящая под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять собственные потребности» [1]. По сути данная трактовка основана на определении устойчивого развития, прописанном в 1987 г. Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию ООН в докладе, известном как «Доклад Комиссии Брундтланд»: «Устойчивое развитие есть развитие, удовлетворяющее потребности настоящего времени без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности».⁴ Более того, в докладе указыва-

ется, что «устойчивое и долговременное развитие представляет собой не неизменное состояние гармонии, а скорее процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институционные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями».⁵

В рекомендациях ОЭСР устойчивое развитие рассматривается с позиций количественных и качественных изменений, «закрывающихся в динамичном развитии экономики, производства, других отраслей, сфер и направлений деятельности, а также в повышении качества жизни населения».⁶

Таким образом, понятие «устойчивое развитие» имеет всеобъемлющее значение и обычно рассматривается совершенно в различных сферах и областях общественной жизнедеятельности. Принято выделять следующие направления или разновидности развития: биологическое, историческое, демографическое, научное, техническое, информационное, политическое, правовое, экономическое, социальное, культурное, духовное и др. [2–5].

В перечисленном ряду особое место принадлежит направлениям развития общества, имеющим объединяющий, обобщающий, сводный, интеграционный характер. В.М. Полтерович в теории лидирующего социально-экономического развития определяет значимость взаимодействия культурных и институциональных факторов, технического прогресса и уровня благосостояния на каждом этапе эволюции [6].

Под устойчивостью экономического роста заслуженный экономист России Г.О. Куранов определяет характеристику, отражающую низкую вариабельность макроэкономических показателей на протяжении длительного срока [7].

Смена парадигмы социально-экономического развития от «человек для экономики» к «экономика для человека» в контексте гуманитарно-технологической революции сегодня определила два критерия, в соответствии с которыми страны позиционируются в глобальном пространстве: качество жизни (определяет социально-экономические характеристики общества и позволяет достичь оптимальной концентрации на конкретной территории самого

undocs.org/ru/A/42/427 (дата обращения: 10.01.2021).

⁵ Там же.

⁶ Towards Sustainable Development: Indicators to Measure Progress. Rome Conference. OECD. URL: <https://www.oecd.org/site/worldforum/33703694.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

¹ Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. URL: http://www.unesc.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECE_CES_31_Rus.pdf (дата обращения 10.01.2021).

² Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза. Решение от 16 окт. 2015 г. №28 URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148763/scd19102015_28 (дата обращения 10.01.2021).

³ Об Основных ориентирах макроэкономической политики государств — членов ЕАЭС на 2020–2021 годы. Решение от 19 мая 2020 г. №6. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01426205/err_16062020_6 (дата обращения 10.01.2021).

⁴ Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее». URL: <https://>

главного ресурса — человеческого потенциала) и наличие современного научно-технологического комплекса (поскольку на его базе возможно создание качественно новых образцов продукции, что позволяет формировать новые рынки и занимать на них лидирующее положение, а также при самостоятельном выпуске современного вооружения обеспечивать необходимый уровень военной безопасности) [8].

Изменения мирового уклада подразумевают систематическое уточнение понятия устойчивости социально-экономического развития и наполнение дефиниции, но оно принципиально сводится к закономерным изменениям экономики и социальной сферы, дуализм развития которых становится очевидным: состояние экономики в условиях глобальных технологических трансформаций определяет уровень и качество жизни населения, в свою очередь, уровень и качество жизни населения определяют уровень и перспективы развития экономики. Непрерывное взаимодействие экономики и социальной сферы в контексте устойчивости развития должно приводить к переходу системы в новое, качественно иное и более совершенное состояние.

Прикладной анализ устойчивости социально-экономического развития государств — членов ЕАЭС определяет необходимость идентификации его уровня, который может рассматриваться в двух самостоятельных аспектах:

- 1) как реально достигнутый рубеж;
- 2) как конкретный срез объекта исследования.

В первом случае за точку отсчета берется фактическое положение пространственно-территориального образования (системы). Иными словами, устойчивость социально-экономического развития в данном случае увязывается с некими уровневными ориентирами / эталонами / плановыми значениями, которые позволяют дать качественную характеристику состояния дел на конкретный период времени, установить относительную успешность / эффективность функционирования экономики (проводимой экономической политики).

Во втором случае во внимание принимаются масштаб и интенсивность распространения рассматриваемых социальных и экономических процессов. При этом вычленяются следующие уровни развития: глобальный (мировой), надгосударственный (в рамках союза), государственный, региональный, муниципальный. В данном контексте социально-экономическое развитие уже оценивается не по достижениям, а «привязывается» к конкретному

уровню, который может подразумевать цивилизацию (всех земель в целом), группу стран (интеграционное объединение) или отдельно взятые страны, конкретные регионы или субъекты государства, а также более мелкие административно-территориальные единицы, например, муниципальные образования.

Синтезируя и обобщая сказанное, авторы определяют устойчивость социально-экономического развития ЕАЭС как многогранную характеристику, отражающую при соответствии показателей пороговым значениям, определенным с учетом выполнения условия достижения динамичного развития экономики, высокотехнологичного производства, других сфер и видов экономической деятельности, а также повышения качества жизни населения, низкую их вариабельность на протяжении длительного периода времени.

Методологическое обоснование системы основных индикаторов

Сегодня устойчивость экономического развития государств — участников ЕАЭС на национальном уровне определяется на основе действующей системы макроэкономических показателей, разработанных Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и утвержденных в статье 63 Договора о ЕАЭС¹.

Стоит отметить, что достижение установленных показателей и, как следствие, целей устойчивости экономического развития ЕАЭС основано на проводимой наднациональной макроэкономической политике и не противоречит международным рекомендациям по оценке устойчивости развития в определенных административных или аналитических целях², однако обеспечивается сегодня преимущественно применением фискальных и монетарных инструментов (налоги, трансферты, кредитное содействие и др.)³.

¹ ЕЭК. Показатели, определяющие устойчивость экономического развития. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/monitoring/Pages/устойчивость_эк_развития.aspx (дата обращения: 25.12.2020).

² Globalisation, Intellectual Property Products and Measurement of GDP: Issues and Proposals. CSSP Informal Reflection Group. In: 15th Meeting of the Committee on Statistics and Statistical Policy, 20–21 June 2018, Geneva, Palais des Nations. URL: https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/aeg/2018/M12_2a2_CSSP_Report.pdf (дата обращения: 15.01.2021).

³ Перечень мероприятий по реализации основных ориентиров государств — членов ЕАЭС на 2019–2020 годы. URL: <http://docs.cntd.ru/document/560952081> (дата обращения: 12.01.2021); О перечне мероприятий по реализации основных ориентиров государств — членов Евразийского

Таблица 1

Характеристики индексов физического объема ВВП по странам ЕАЭС (в постоянных ценах)

Table 1

GDP volume indices by EAEU countries (in constant prices)

Параметр	Значение параметра по странам				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Среднее значение, %	104,7	100,1	103,0	104,2	100,8
Размах вариации, п. п.	7,4	6,9	3,4	0,9	4,5
Минимум, % (год)	100,2 (2016 г.)	96,2 (2015 г.)	101,1 (2016 г.)	103,8 (2018 г.)	98,0 (2015 г.)
Максимум, % (год)	107,6 (2019 г.)	103,1 (2018 г.)	104,5 (2019 г.)	104,7 (2017 г.)	102,5 (2018 г.)

Однако авторы отмечают следующее.

Во-первых. Финансовая стабильность в экономике, достигнутая проводимой в странах ЕАЭС монетарной политикой, реализуемой с помощью режима таргетирования инфляции, выражающем приоритет национальных Банков стран — участниц ЕАЭС по обеспечению ценовой стабильности через стабильно низкую инфляцию, не приводит к экономическому росту национальных экономик, скорее ведет к стагнации.

Отсутствие устойчивого экономического роста в странах ЕАЭС подтверждается анализом фактических данных (табл. 1). С 2015 г. по 2019 г. (до кризиса, вызванного пандемией) только в одной из стран ЕАЭС — в Армении — был зафиксирован рост ВВП (в 2017–2019 гг.) на том уровне, при котором можно говорить о росте экономики (отметим, что в контексте устойчивости роста достигнутый рост нужно удержать на протяжении нескольких лет). Отметим, что большинство мнений научной общественности о критериях роста ВВП схожи, их в своем выступлении обобщил член-корреспондент РАН Д.Е. Сорокин: «Для устойчивого роста экономики увеличение ВВП должно быть на уровне не менее 5 % (это позволит сбалансировать экономические и социальные составляющие). Рост на 2–3 % — критически мал (это означает лишь частичное обновление основных фондов, простое воспроизводство)».¹

В течение 5 лет ни в Белоруссии, ни в Казахстане, ни в Киргизии, ни в России рост ВВП не достигал 5 и более %.

экономического союза на 2019–2020 годы. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/monitoring/Documents/Перечень%202019-2020.pdf (дата обращения: 12.01.2021).

¹ Экономика России. Проблемы и перспективы развития. Онлайн-лекция Д.Е. Сорокина. URL: <http://www.fa.ru/org/faculty/iioo/News/2020-11-10-online-lect.aspx> (дата обращения: 14.04.2021).

Рассматривая динамику показателей, утвержденных статьей 63 Договора о ЕАЭС², отметим следующее:

— дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления не превышал 3 % от ВВП за все 5 лет в Беларуси, Казахстане и России (в Армении превышение в 2015, 2016 и 2017 гг.; в Киргизии в 2016 г.);

— долг сектора государственного управления также не превышал 50 % от ВВП в Беларуси, Казахстане и России (в Армении из 5 анализируемых лет только в 2019 г. выполнялся критерий, в Киргизии показатель не отвечал критерию ни в одном году из пяти лет), отметим, что по странам ЕАЭС критерий довольно неоднозначный;

— по уровню инфляции критерии выполнялись на протяжении всего периода только в Армении и Киргизии, в Белоруссии соответствие достигнуто в 2017 и 2019 гг., в Казахстане — в 2017, 2018 и 2019 гг., в России — также в 2017, 2018 и 2019 гг.

Таким образом, динамика действующих показателей не может качественно характеризовать устойчивость экономического роста стран ЕАЭС. При этом достижение финансовой стабильности в странах — участницах ЕАЭС, на наш взгляд, бесспорно считается значимым, но недостаточным условием в новой технологической реальности, когда важен существенный экономический прорыв.

Анализируя 2020 г., необходимо отметить, что при сокращении ВВП в каждой из стран показатель по уровню инфляции не выполнен только в Киргизии.

Во-вторых. Макроэкономическая политика ЕАЭС должна не просто проводиться в направ-

² Макроэкономические показатели, определяющие устойчивость экономического развития государств — членов Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/stat_tables/Pages/stability_tables_archive.aspx (дата обращения: 14.02.2021).

лении достижения устойчивого экономического роста, а быть сфокусированной на повышении конкурентоспособности национальных экономик государств — членов ЕАЭС, их технологического обновления, то есть на качестве экономического роста.

Создание конкурентоспособной продукции возможно только при техническом перевооружении или внедрении новых высокотехнологических производств — об этом неоднократно говорили ведущие экономисты А.Г. Аганбегян, А.И. Агеев, А.Н. Клепач, Е.Б. Ленчук, Б.Н. Порфирьев, Д.Е. Сорокин, А.А. Широков и др.¹ [6, 9–12]. При этом Д.Е. Сорокин акцентировал внимание на том, что производить продукцию, чтобы она была конкурентоспособной, нужно на своих отечественных станках и оборудовании².

В этой связи об устойчивости экономики ЕАЭС должно говорить в контексте стремительного глобального технологического развития, что соответствует мировой практике [13–17] и определяет необходимость учитывать индикаторы, характеризующие развитие высокотехнологических отраслей как факторов экономического роста.

Необходимость включения показателей, характеризующих развитие высокотехнологических отраслей, обосновывается стратегическими целями / приоритетами развития государств — членов ЕАЭС [18], обозначенными в следующих документах:

— Стратегия национальной безопасности Республики Армения: устойчивая Армения в меняющемся мире, принятая в июле 2020 г.³;

— Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, одобренная Президиумом Совета Министров Республики Беларусь, протокол заседания от 2 мая 2017 г. № 10⁴;

¹ Стратегия опережающего развития Евразийского экономического союза. URL: <http://veorus.ru/события/хроника-мероприятий/strategiya-operezhayushchego-razvitiya-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza/> (дата обращения 24.04.2021).

² 28-я экспертная сессия Координационного клуба Вольного экономического общества России от 23 сентября 2020 года. URL: <http://www.veorus.ru/события/хроника-мероприятий/vnimanie-perezagruzka-kak-nastroit-natsproekty-zanovo/> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Устойчивая Армения в меняющемся мире». URL: <https://www.gov.am/ru/gov-program/> (дата обращения: 15.01.2021).

⁴ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период

— Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года, утвержденный Указом Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636⁵;

— Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы, принятая в ноябре 2018 г.⁶;

— Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития России до 2030 года».⁷

В Российской Федерации утверждены следующие национальные цели: сохранение населения, здоровье и благополучие людей, возможности для самореализации и развития талантов, комфортная и безопасная среда для жизни, достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство, цифровая трансформация. Достижению указанных целей способствует реализация национальных проектов. В национальном проекте «Международная кооперация и экспорт» указана цель — переключиться с торговли сырьем на экспорт несырьевых товаров и товаров с высокой добавленной стоимостью, создавать больше конкурентоспособной продукции и продавать ее как внутри страны, так и на внешних рынках.⁸

«Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации“» сформирована на базе программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁹ и реализуется в рамках национальной цели «Цифровая трансформация», а также в контексте решения задач по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику, социальную сферу и государственное управление. «Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации“» имеет тесную

до 2030 года. URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).

⁵ Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2025 года. URL: <https://primeminister.kz/ru/documents/gosprograms/stratplan-2025> (дата обращения: 15.01.2021).

⁶ Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. URL: <https://www.gov.kg/ru/programs/8> (дата обращения: 15.01.2021).

⁷ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 15.01.2021).

⁸ Национальный проект «Международная кооперация и экспорт». URL: <https://futurerussia.gov.ru/mezhdunarodnaya-kooperaciya-i-eksport> (дата обращения: 15.01.2021).

⁹ Протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (дата обращения: 12.01.2021).

взаимосвязь с различными действующими документами, направленными на цифровизацию экономики страны, а также на ее технологическое развитие.

В-третьих. В контексте национальных целей Российской Федерации особое внимание также следует обратить на национальный проект «Демография», в котором среди основных целевых индикаторов утверждён показатель «увеличение суммарного коэффициента рождаемости»¹. Целый ряд стратегических документов (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, Концепция демографической политики Российской Федерации, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации и др.) направлены на обеспечение стабильного демографического развития России. В этой связи считается целесообразным учитывать параметры демографического развития в рамках оценки устойчивости социально-экономического развития.

Авторы считают целесообразным рекомендовать ЕЭК актуализировать систему макроэкономических показателей, определяющих устойчивость экономического развития государств — членов ЕАЭС. Усовершенствование мониторинга устойчивости экономического развития государств — членов ЕАЭС определяется в двух направлениях:

- пересмотр критериев по действующим показателям;
- добавление в систему показателей экономических и социальных индикаторов.

Система базовых / основных показателей устойчивости социально-экономического развития ЕАЭС

Предлагаемый перечень основных показателей устойчивости социально-экономического развития государств — участников ЕАЭС был определен с учетом анализа, обобщения и синтеза представляемых индикаторов по базам данных ряда международных организаций: ЕЭК ООН, ОЭСР, Евростат, Статкомитет СНГ.

В целях формирования системы показателей рассмотрены данные открытых информационных ресурсов национальных статистических комитетов стран ЕАЭС, а также

осуществлен анализ и синтез публикаций, касающихся мониторинга социально-экономического развития, Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации; Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН), Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП).

Основой формирования системы показателей также послужил труд С.Ю. Глазьева, В.В. Локосова, в котором представлен перечень индикаторов, характеризующих социально-экономическое развитие в контексте комплексного междисциплинарного подхода к исследованию состояния экономики и общества как динамических систем, обладающих способностью к самостоятельному воспроизводству и развитию [19].

Представляемый авторский вариант классификации показателей социально-экономического развития государств — членов ЕАЭС основан на реальных возможностях их учета или расчета на основе имеющейся статистической отчетности. В классификации выделены два раздела:

- основные индикаторы, определяющие устойчивость социально-экономического развития государств — членов ЕАЭС;
- блоки расширенной системы показателей, определяющих устойчивость социально-экономического развития государств — членов ЕАЭС.

Анализ и обобщение источников данных позволили установить целесообразность включения в перечень основных индикаторов, определяющих устойчивость социально-экономического развития государств — участников ЕАЭС, следующих показателей:

- годовой дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления в процентах от ВВП;
- долг сектора государственного управления в процентах от ВВП;
- уровень инфляции (ИПЦ) в годовом выражении, %;
- удельный вес продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте, %;
- удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг организаций промышленного производства, %;
- индекс роста доли инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал, %;

¹ Национальный проект «Демография». URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 12.01.2021).

Показатели зависимости между средней ценой нефти марки Urals и рядом макроэкономических показателей (коэффициенты парной корреляции Пирсона)

Relationship between the average price of Urals oil and a number of macroeconomic indicators (Pearson correlation coefficients)

Исследуемые зависимости	Критерий Пирсона	Направление связи	Сила взаимосвязи
Индексы физического объема ВВП ~ средняя цена Urals	0,829	прямая	сильная (высокая)
Соотношение дефицита / профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП ~ средняя цена Urals	0,910	прямая	сильная (стохастическая)
Долг сектора государственного управления ~ средняя цена Urals	-0,776	обратная	сильная (высокая)
Уровень инфляции (ИПЦ) ~ средняя цена Urals	0,899	прямая	сильная (высокая)

— суммарный коэффициент рождаемости (число детей в расчете на 1 женщину);

— ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет;

— уровень бедности, %.

Предложенные основные показатели, определяющие устойчивость социально-экономического развития, в дополнение в существующему мониторингу макроэкономических показателей, отражают развитие национальной экономики страны — участницы ЕАЭС от «технологического прорыва» (технического перевооружения или внедрения новых высокотехнологических производств), отчасти не зависящее от сырьевого экспорта (без привязки к дрейфующим ценам на нефть), а также учитывают социально-демографические параметры общества.

Существенная сырьевая зависимость экономики определена на основе оценки влияния кризиса, вызванного пандемией, на показатели, утвержденные статьей 63 Договора о ЕАЭС. Анализ проведен на примере России (как локомотива среди всех стран ЕАЭС) по квартальным данным за 2019–2020 гг. (табл. 2).

Таким образом, выявлена довольно сильная связь между динамикой цен на нефть марки Urals. Urals (российская экспортная нефтяная смесь, стоимость которой определяется исходя из котировок сорта Brent) и показателями экономического развития.

Кризис, вызванный COVID-19, явился причиной беспрецедентного абсолютного минимума последних десятилетий, который зафиксирован 20 апреля 2020 г.: котировки Urals в ходе торгов рухнули до отрицательных значений (–2 USD за баррель). Соответственно, это отразилось на динамике показателей за январь — июнь 2020 г.: индекс физического объема ВВП составил 96,6 %, вместо профицита кон-

солидированного бюджета сектора государственного управления зафиксирован дефицит, долг сектора государственного управления возрос на 2,5 % (в сравнении с первым кварталом), ИПЦ составил 102,8 % (в первом квартале 102,4 %).

Подтверждение зависимости динамики ВВП от цен на экспорт (при этом цены не могут расти постоянно) также отчетливо прослеживается на следующих данных, (на примере России):

— 2000–2007 гг. — среднегодовой темп прироста ВВП равен 6 %, экспортные цены на нефть в среднем увеличивались на 24,9 %;

— 2009 г. — ВВП сокращается на 7,8 % при снижении экспортных цен на нефть на 38,6 %;

— 2010–2014 гг. — среднегодовой темп прироста ВВП равен 3 %, экспортные цены на нефть в среднем увеличивались на 12,6 %;

— 2015 г. — ВВП сокращается на 2 % при снижении экспортных цен на нефть на 46,9 %;

— 2016–2019 гг. — среднегодовой темп прироста ВВП равен 1,4 %, экспортные цены на нефть в среднем увеличивались на 7,5 %.

Все это в очередной раз определяет значимость достижения устойчивого экономического роста в условиях технологического развития, увеличения производства конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью. Индикаторы мониторинга должны отражать данный аспект. Более того, включение показателей в мониторинг обосновывается утвержденными от 11 декабря 2020 г. «Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»¹, в которых среди ключевых

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения 15.04.2021).

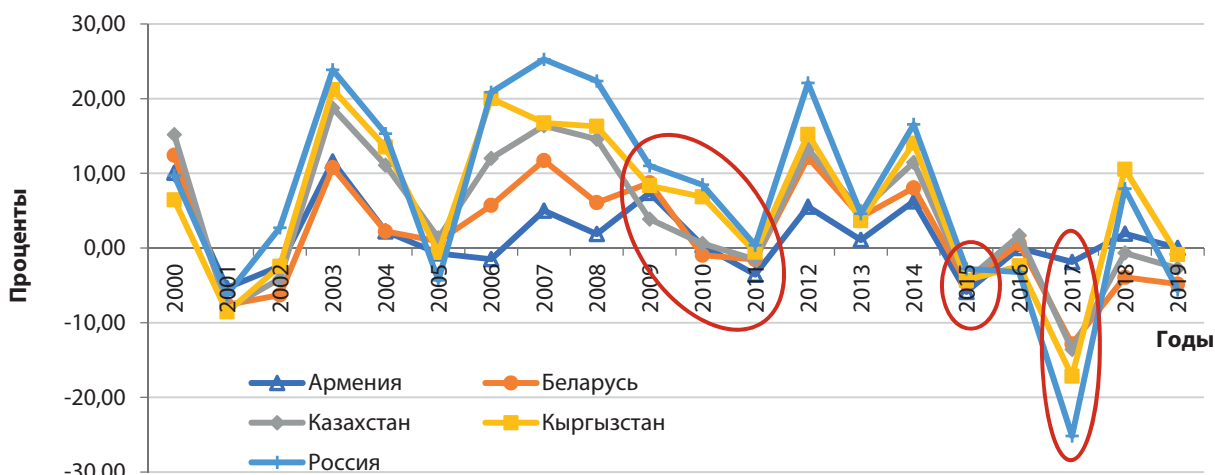


Рис. 1. Темп прироста коэффициента суммарной рождаемости в странах ЕАЭС за 2000–2019 гг., %

Fig. 1. Growth of fertility rate in the EAEU countries for 2000–2019, %

сфер евразийской интеграции определен «переход Союза на инновационный путь развития, предполагающий повышение инвестиционной активности и модернизацию экономик государств-членов на основе нового технологического уклада. Для этого планируется развернуть систему прогнозирования научно-технологического и экономического развития»¹.

Проведенный анализ информационных баз национальных статистических служб стран — участниц ЕАЭС показал, что по ряду показателей учет в настоящее время затруднен. В этой связи странам, которые ведут разработку показателей, рекомендуется учитывать опыт стран ЕАЭС, в которых мониторинг успешно развивается.

Применение при оценке устойчивости социально-экономического развития стран ЕАЭС удельного веса продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП (в процентах) в настоящее время (по состоянию на февраль 2021 г.) вызывает сложность, так как не представлена информация по всем странам, в Армении показатель в стадии разработки.

На февраль 2021 г. также информация представлена не по всем странам ЕАЭС по показателям: удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг организаций промышленного производства (в процентах) — данные есть по Республике Беларусь и России в динамике с 2012 г., индекс роста доли инвестиций, направленных на реконструкцию и модерниза-

цию, в общем объеме инвестиций в основной капитал (в процентах к предыдущему году) — данные по Республике Беларусь с 2016 г., по России с 2010 г.

Как было сказано выше, устойчивое социально-экономическое развитие определяется, прежде всего, качеством жизни. В этом аспекте в систему показателей включены такие важнейшие социальные и демографические индикаторы, как уровень бедности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении и суммарный коэффициент рождаемости.

Суммарный коэффициент рождаемости (число детей в расчете на 1 женщину) представляет собой оценку уровня воспроизводства населения. Тенденции рождаемости носят долгосрочный характер и взаимосвязаны с другими демографическими процессами (прежде всего, изменением численности и структуры населения), а также рядом социально-экономических факторов (рис. 1).

Суммарный коэффициент рождаемости в Республике Киргизия за десятилетний период увеличился с 2,40 в 2000 г. до 3,34 в 2019 г. Показатель выше уровня простого воспроизводства (2,14–2,15), его динамика говорит о быстрых темпах увеличения численности населения республики. В Казахстане с 2004 г. также наблюдается расширенное воспроизводство населения. В Армении, Республике Беларусь и России на протяжении всех анализируемых двадцати лет фиксируется суженное воспроизводство населения.

При этом оценка интенсивности роста показателей определяет как незамедлительное влияние кризисов на рождаемость, так и с «запоздалой» во временном лаге реакцией (что логично при планировании рождения ребенка и откладывания беременности и рождений).

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения 15.04.2021).

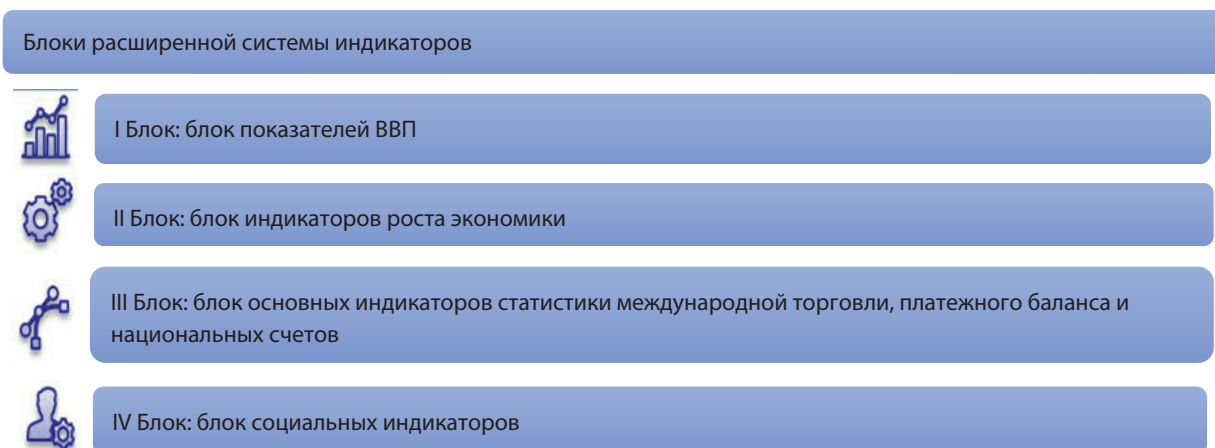


Рис. 2. Блоки расширенной системы показателей, определяющих устойчивость социально-экономического развития стран ЕАЭС

Fig. 2. Extended indicators determining the socio-economic sustainability of the EAEU countries

Наибольшая продолжительность жизни зафиксирована в Армении: максимальная средняя продолжительность жизни зафиксирована в 2018 г. и составила для мужчин — 79 лет, для женщин — 72,4 года. В 2019 и 2020 гг. наблюдается уменьшение показателей в сравнении с уровнем 2018 г.

В целом за 2000–2020 гг. по странам ЕАЭС можно говорить о положительной динамике показателей:

- в Армении средний ежегодный рост ожидаемой продолжительности жизни мужчин составлял 0,05 %, женщин — 0,16 %;

- в Республике Беларусь средний ежегодный рост ожидаемой продолжительности жизни мужчин составлял 0,45 %, женщин — 0,30 %;

- в Казахстане средний ежегодный рост ожидаемой продолжительности жизни мужчин составлял 0,67 %, женщин — 0,38 %;

- в Республике Киргизия средний ежегодный рост ожидаемой продолжительности жизни мужчин составлял 0,26 %, женщин — 0,23 %;

- в России средний ежегодный рост ожидаемой продолжительности жизни мужчин составлял 0,63 %, женщин — 0,36 %.

В целом за период с 2005 г. по 2019 г. в каждой из стран ЕАЭС зафиксировано сокращение уровня бедности (по национальной методологии стран): в Армении в среднем ежегодно уровень бедности уменьшался на 2,94 %, в Белоруссии — на 6,44 %, в Казахстане — на 13,28 %, в Киргизии — на 5,30 %, в России — на 2,61 %.

В контексте различий в методологии оценки индикатора бедности по странам ЕАЭС не представляется возможным сравнивать и сопоставлять состояние и динамику уровня

бедности. Можно лишь говорить об уровне бедности и изменениях в каждой стране отдельно.

Влияние внешних шоков на динамику показателя можно проследить, например, на изменениях темпов прироста уровня бедности в 2015 г. в сравнении с 2014 г.: существенно замедлилось снижение бедности в Армении, рост зафиксирован в Беларуси и Киргизии (в 2014 г. наблюдалось уменьшение), в России рост бедности усилился (в 2014 г. увеличение в сравнении с 2013 г. составляло 4,63 %, в 2015 г. в сравнении с предыдущим годом уровень бедности возрос на 18,58 %).

Приведенная система основных индикаторов, определяющих социально-экономического развития государств — участников ЕАЭС, основывается на требованиях использования систем макроэкономических показателей, гармонизированных с СНС 2008, таких как платежный баланс, статистика государственных финансов, статистика цен, отвечает «Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития» и соотносится с ЦУР ООН.

Система дополнительных показателей устойчивости социально-экономического развития ЕАЭС

В дополнение к основным индикаторам, определяющим устойчивость социально-экономического развития государств — участников ЕАЭС, авторами предлагаются блоки расширенной системы показателей, представленные на рисунке 2.

Блоки расширенной системы индикаторов определены с учетом существующих на сегодня возможностей их учета или расчета по данным статистической отчетности стран — участников ЕАЭС.

Результат обобщения исследований и представляемых данных говорит о том, что несмотря на ряд недостатков, отмечаемых многими учеными и экспертами [20] в области макроэкономики, национального счетоводства и международных сопоставлений¹ [21, 22] а также в докладе Комиссии Д. Стиглица об измерении экономического роста и социального прогресса, ВВП остается наиболее распространенным и важным макроэкономическим индикатором.

Данные о ВВП лежат в основе разработки проектов государственного бюджета ряда стран СНГ. Индикаторы, характеризующие соотношение внешнего долга органов государственного управления и ВВП, дефицита государственного бюджета и ВВП, учитываются странами ЕС при разработке решений, связанных с организацией экономического сотрудничества.

Всемирным банком по решению комиссии ООН обеспечены сравнимые оценки, позволяющие осуществлять международные сопоставления, ВВП, рассчитанные по паритету покупательной способности (ППС). Представляется рейтинг, в котором страны мира расположены в соответствии с ВВП по ППС.²

В этой связи считаем необходимым включение в систему показателей мониторинга устойчивости социально-экономического развития и оценки развития национальных экономик государств — членов ЕАЭС блока показателей ВВП (блок 1):

- в текущих ценах (квартальные / годовые данные);
- в постоянных ценах (квартальные / годовые данные);
- индексы физического объема ВВП (в % к соответствующему кварталу предыдущего года / в % к предыдущему году);
- индексы-дефляторы ВВП, (в % к соответствующему кварталу предыдущего года / в % к предыдущему году);
- ВВП на душу населения в ценах по ППС (годовые данные);
- темп роста ВВП на душу населения в ценах по ППС (% к предыдущему году).

Дополнительно для оценки устойчивости национальных экономик стран ЕАЭС предполагается рассматривать следующий блок инди-

каторов (блок 2), на основе которого рассчитывается обобщенный индикатор выраженности экономического роста (все показатели оцениваются в % к предыдущему году, а также в зависимости от периодичности представления данных: в % к соответствующему кварталу предыдущего года / в % к соответствующему месяцу предыдущего года):

- индекс производительности труда по экономике в целом и по видам экономической деятельности (ВЭД) по ОКВЭД2;
- индекс инвестиций в основной капитал в целом и по ВЭД по ОКВЭД2;
- темп роста коэффициента обновления основных фондов в целом и по ВЭД по ОКВЭД2;
- индекс производства по виду экономической деятельности «обрабатывающие производства»;
- темп роста удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций;
- темп роста доли инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг организаций промышленного производства;
- темп роста доли расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП.

На основе данных приведенных показателей представляется матрица возможных исходов динамики показателей (увеличение, сохранение значения предыдущего года / квартала или его снижение), а затем рассчитывается коэффициент выраженности экономического роста ($K_{вр}$):

$$K_{вр} = N^+ : N \times 100 (\%),$$

где N^+ — число случаев роста исходных показателей; N — общее число всех исходных показателей.

В рассмотрение также рекомендуется включить блок основных индикаторов статистики международной торговли, платежного баланса и национальных счетов (блок 3):

- экспорт (в стоимостном выражении, в % ВВП) и его темп роста;
- импорт (в стоимостном выражении, в % ВВП) и его темп роста;
- сальдо торгового баланса (экспорт — импорт);
- структура экспорта (акцент на оценке удельного веса высокотехнологичного и несырьевого экспорта);
- темп роста удельного веса инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг организаций;

¹ The World Bank. Программа международных сопоставлений (ПМС). URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/icp/brief/reports> (дата обращения 17.01.2021).

² Рейтинг стран по ВВП (ППС). URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-ppp> (дата обращения: 16.01.2021).

— структура импорта (акцент на оценке удельного веса инвестиционного и потребительского импорта).

Для экономического процветания рост международной торговли, бесспорно, является значимым, что подтверждается многими научными исследованиями [23–25].

Сегодня необходимо обратить внимание на стагнацию и даже снижение мирового спроса на нефтепродукты в обозримом будущем, что обосновано научно-технологическим развитием: повышается энергоэффективность в результате автоматизации и цифровизации, осуществляется переключение на другие виды моторного топлива в сфере автотранспорта. Более того, в контексте ЦУР ООН определены ориентиры в сфере экологии и климата, связанные с переходом к зеленой экономике (с переходом к менее углеродоемкой экономике), расширением использования возобновляемых источников энергии в секторе электроэнергетики и за его пределами.¹

В рассмотрении также рекомендуется включить блок следующих социальных индикаторов (блок 4):

- смертность населения трудоспособного возраста;
- уровень занятости населения;
- потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц);
- уровень безработицы;
- коэффициент Джини;
- коэффициент фондов.

Приведенные показатели расширенной системы индикаторов устойчивости социально-экономического развития стран — членов ЕАЭС не предполагают инвариантность, и не определяется, что они раз и навсегда установлены. Изменение набора показателей будет происходить по мере стабилизации экономики государств — членов ЕАЭС и Союза в целом, а также обуславливаться трансформациями в социально-экономическом состоянии общества и изменениями приоритетов его развития. Отметим, что авторы придерживаются постулата Л.И. Абалкина: «В науке не может быть монополии на истину»². Данная система показателей в силу как объективных, так и субъективных причин может быть не единственной, она может быть скорректирована и дополнена.

¹ Цели в области устойчивого развития ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 16.01.2021).

² Абалкинские чтения. URL: <http://www.veorus.ru/деятельность/abalinskije-cteniya/> (дата обращения 26.01.2021).

Заключение

Анализ состояния устойчивости экономического развития государств — членов ЕАЭС на основе действующих макроэкономических индикаторов, утвержденных статьей 63 Договора о ЕАЭС, выявил, что нахождение их значений в пределах установленных критериев не определяет устойчивость экономического развития стран — членов ЕАЭС. Зачастую экономика стран в стагнации или рецессии вдалеке от отслеживаемых порогов, в некоторых случаях превышение порогов оказывается недейственным. Например, при выполнении критерия по показателю соотношения дефицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП по странам ЕАЭС дефицит превышает 3 % от ВВП в Белоруссии и России в 2019 г. фиксируется стагнация экономики (рост ВВП не более 2 % по кварталам) и 1 квартале 2020 г. (в Белоруссии сокращение ВВП на 0,2 %, в России рост на 1,6 %). Критерий по соотношению суммы долга сектора государственного управления и ВВП также в этот период по кварталам выполнен. В то время как критерий по инфляции демонстрирует хаотичный разброс.

Позиции стран — членов ЕАЭС в рейтингах³ по индикаторам ВВП на душу населения, индексу человеческого капитала и глобальному индексу не выглядят впечатляющими, потенциал стран ЕАЭС по качеству человеческих ресурсов и возможностям инновационного развития заметно различается. В 2019 г. десятку стран, которые вносят наибольший вклад в мировую экономику, ни одна страна — членов ЕАЭС не входит. При этом Германия, Италия, Франция и Великобритания (в 2019 г. еще входящая в состав ЕС), которые входят в десятку лидирующих стран по ВВП из числа 15 стран — «старых» членов ЕС, в рейтингах по индексу человеческого капитала и глобальному индексу инноваций не «проседают». Россия как «локомотив» ЕАЭС, занимая 11-е место по объему ВВП, существенно отстает по ВВП на душу населения (52-е место), по индексу человеческого капитала (49-е место), по глобальному индексу инноваций (46-е место). Остальные страны ЕАЭС в рейтингах занимают более низкие позиции.

Характеристика состояния текущего экономического развития государств — членов ЕАЭС, сравнение с мировым развитием определили некорректность оценки устойчивости

³ Данные информационного портала NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp> (дата обращения: 06.02.2021).

экономического развития стран ЕАЭС на основе действующей системы макроэкономических индикаторов.

Следует отметить, что современный кризис, связанный с распространением COVID-19, оказал существенное влияние на ключевые мировые товарные рынки. О неизбежности снижения цен на сырьевые продукты (прежде всего, нефть) говорили много, так как цены не могут расти постоянно, но фактом остается то, что без давления пандемии цены на нефть вряд ли оказались бы на том уровне, на котором зафиксированы в апреле 2020 г. Опора на топливно-сырьевой комплекс существенно снизила потенциал экономического роста России как локомотива развития ЕАЭС. Сегодня очевидна необходимость проведения активной политики, направленной на переключение с торговли сырьем на экспорт несырьевых товаров и товаров с высокой добавленной стоимостью, производство конкурентоспособной продукции и ее продажи как внутри страны, так и на внешних рынках. Это обосновало включение в представленную авторами систему показателей устойчивости социально-экономического развития стран — участниц ЕАЭС (в перечень основных / базовых показателей) индикаторов, которые отражают экономический рост от «технологического прорыва» (технического перевооружения или внедрения новых высокотехнологических производств): удельный вес продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП, удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг организаций промышленного производства, индекс роста доли инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал.

Более того, разработанная система показателей устойчивости социально-экономи-

ческого развития стран — членов ЕАЭС включает параметры, характеризующих социальное и демографическое развитие, что отвечает ЦУР ООН и определяется необходимостью учитывать качество экономического роста в современных турбулентных условиях.

Представленная система показателей устойчивости социально-экономического развития стран ЕАЭС отвечает современным требованиям статистики, гармонизирована с основными стратегическими направлениями развития и стран, и Союза, а также соответствует глобальным тенденциям, изменениям мироустройства, экономических моделей и важнейших трендов. Мониторинг на основе приведенной системы показателей позволит довольно полно оценивать существующую ситуацию в целях актуализации мер макроэкономической политики как на национальном, так и наднациональном уровне, не просто направленных на достижение устойчивого экономического роста, а сфокусированных на повышении конкурентоспособности национальных экономик государств — членов ЕАЭС, их технологического обновления.

В целом результаты проведенного исследования дают основания для рекомендаций в области комплексной оценки качественного роста экономик стран ЕАЭС. Предложенная авторами система показателей может рассматриваться как один из вариантов среди прочих предложений по совершенствованию измерений устойчивости социально-экономического развития стран ЕАЭС, что связано с разнообразием предпосылок и факторов, препятствующих однозначной идентификации и согласованности позиций теоретиков и практиков в отношении количества и поименного состава индикаторов, используемых для комплексной характеристики устойчивости экономического развития.

Список источников

1. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования. Ч. 2 / Клименко А. В., Королев В. А., Двинских В. Ю., Сластихина И. Ю., Рычкова Н. А. // Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 40 с.
2. Рыбаковский Л. Л. Демографическое развитие России в XXI веке. URL: <http://rybakovsky.ru/demografia1a1.html> (дата обращения 12.01.2021).
3. Иванов В. В. Инновационная парадигма XXI. 2-е изд. Москва : Наука, 2015. 383 с.
4. Сорокин Д. Е. Российская политико-экономическая мысль. Основные черты и традиции // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 18–21.
5. Исаков В. Б. Право на аналитику // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4. С. 116–135. URL: http://www.rcoit.ru/upload/iblock/a77/GVV2018_4_p116-135.pdf (дата обращения: 05.02.2021).
6. Полтерович В. М. К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77–102. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-12-77-102>.
7. Куранов Г. О. Об измерении качества экономического роста // Вопросы статистики. 2019. № 26(7). С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-7-5-19>.

8. Иванов В. В. Глобальная гуманитарно-технологическая революция. Предпосылки и перспективы // Инновации. 2017. № 6. С. 3–8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-gumanitarno-tehnologicheskaya-revolutsiya-predposylki-i-perspektivy/viewer> (дата обращения 05.02.2021).
9. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию / Аганбегян А. Г., Клепач А. Н., Порфирьев Б. Н., Узиков М. Н., Широков А. А. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 18–26. DOI: 10.47711/0868–6351–183–18–26.
10. Агеев А. И., Путилов А. В. Гуманитарно-технологическая революция. Опыт и задачи инженерной эволюции // Экономические стратегии. 2020. № 2 (168). С. 54–63. DOI: 10.33917/es-2.168.2020.54–63.
11. Ленчук Е. Б. Научно-техническое развитие как фактор ускорения экономического роста в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 228, № 2. С. 126–135. DOI: 10.38197/2072–2060–2020–222–2–126–134.
12. Бартов О. Б., Третьякова Е. А. Мезоуровневая модель влияния информационно-коммуникационных ресурсов на экономическое развитие российских регионов // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 2. С. 402–417. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021–2–4>.
13. Matei A., Savulescu C. Towards Sustainable Economy through Information and Communication Technologies Development: Case of the EU // Journal of Security and Sustainability Issues. 2012. № 2. DOI: 10.9770/jssi.2012.2.2(1).
14. Zinilli A., De Marchi M. Value-added in high technology and industrial basic research: A weighted network observing the trade of high-tech goods // International Journal of Computational Economics and Econometrics. 2020. Vol. 10, № 4. P. 398–418. DOI: 10.1504/IJCEE.2020.110778.
15. Castro C., Dieguez T. The impact of Scientific Research and Development on economic growth — Comparative analysis between Portugal and EU15 // International Journal of Business and Management Invention. 2016. № 5. P. 56–61. URL: https://www.researchgate.net/publication/305609917_The_impact_of_Scientific_Research_and_Development_on_economic_growth_-_Comparative_analysis_between_Portugal_and_EU15 (дата обращения: 22.02.2021).
16. Dresch S., Pelc K. Knowledge Centers, Technological Innovations and Regional Economic Growth. Springer Netherlands, 228. 1989. DOI: 10.1007/978–94–015–7835–6_5.
17. Ji Hong, Liang Ting. The Influence of Scientific and Technological Innovation in Jiangxi Province's Universities on Regional Economic Growth. // DEStech Transactions on Economics, Business and Management. 2021. DOI: 10.12783/dtem/eim2020/35190.
18. Gospodarik C. G., Kovalev M. M. Belarus in the EAEU: problems and perspectives of economic growth // Журнал Белорусского государственного университета. 2020. № 1. P. 86–95. (Экономика). URL: <https://journals.bsu.by/index.php/economy/article/view/2748> (дата обращения: 15.01.2021).
19. Глазьев С. Ю., Локосов В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 22–41. URL: <http://esc.vscs.ac.ru/article/317/full> (дата обращения: 10.01.2021).
20. Куранов Г. О. Методические вопросы краткосрочной оценки и прогноза макроэкономических показателей // Вопросы статистики. 2018. № 25(2). С. 3–24. URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/626> (дата обращения 15.01.2021).
21. Diewert W. E. Axiomatic and economic approaches to international comparisons // International and Interarea Comparisons of Income, Output, and Prices C. 13–107. / Heston A., Lipsey R. E. ed. University of Chicago Press, 1999. URL: <https://www.nber.org/books-and-chapters/international-and-interarea-comparisons-income-output-and-prices> (дата обращения: 15.01.2021).
22. Irving B. Kravis, Alan Heston, Robert Summers International comparisons of real product and purchasing power / The World Bank, 1978. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/499951468180561445/pdf/11907000Intern0and0purchasing0power.pdf> (дата обращения: 17.01.2021).
23. Агеев А. А., Золотарева О. А. Пятилетие евразийской интеграции. Статистический анализ основных экономических результатов // Экономические стратегии. 2019. № 8 (166). С. 48–57. URL: <http://www.inesnet.ru/article/pyatiletie-evrazijskoj-integracii-statisticheskij-analiz-osnovnyh-ekonomicheskix-rezultatov/> DOI: 10.33917/es-8.166.2019.48–57 (дата обращения: 10.01.2021).
24. Моделирование перспективных торгово-транспортных коридоров в рамках проекта «Один пояс — один путь» / Акаев А. А., Давыдова О. И., Малков А. С., Шульгин С. Г. // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 981–995. URL: https://economyofregion.ru/wp-content/uploads/2019/12/02_akaev.pdf (дата обращения: 10.01.2021).
25. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation // Works and Correspondence of David Ricardo / Piero Sraffa ed. Cambridge University Press, 1951. Vol. I. 135 p.

References

1. Klimenko, A. V., Korolev, V. A., Dvinskikh, D. Yu., Slastikhina I. Yu. & Rychkova N. A. (2016). *Aktualnyy opyt zarubezhnykh stran po razvitiyu gosudarstvennykh sistem strategicheskogo planirovaniya. Ch. 2 [Actual experience of foreign countries in the development of state systems of strategic planning. Part 2]*. Moscow: HSE Publishing House, 40. (In Russ.)
2. Rybakovsky, L. L. *Demograficheskoe razvitie Rossii v XXI veke [Demographic development of Russia in the XXI century]*. Retrieved from: <http://rybakovsky.ru/demografia1a1.html> (Date of access: 01.12.2021). (In Russ.)

3. Ivanov, V. V. (2015). *Innovatsionnaya paradigma XXI. 2-e izd.: monografiya [Innovation paradigm XXI. 2nd ed.: monograph]*. Moscow: Nauka, 383. (In Russ.)
4. Sorokin, D. Ye. (2001). Russian Political Economic Thought: Basic Features and Traditions. *Voprosy ekonomiki*, 2, 18–21. (In Russ.)
5. Isakov, V. B. (2018). The right to of analytics. *Grazhdanin. Vybory. Vlast [Citizen. Elections. Authority]*, 4, 116–135. Retrieved from: http://www.rcoit.ru/upload/iblock/a77/GVV2018_4_p116-135.pdf (Date of access: 05.02.2021). (In Russ.)
6. Polterovich, V. M. (2018). Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms. *Voprosy ekonomiki*, 12, 77–102. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-12-77-102>. (In Russ.)
7. Kuranov, G. O. (2019). Measuring the Quality of Economic Growth. *Voprosy statistiki*, 26(7), 5–19. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-7-5-19>. (In Russ.)
8. Ivanov, V. V. (2017). Global humanitarian and technological revolution: background and perspectives. *Innovatsii [Innovations]*, 6, 3–8. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-gumanitarno-tehnologicheskaya-revolutsiya-predposylki-i-perspektivy/viewer> (Date of access: 05.02.2021). (In Russ.)
9. Aganbegyan, A. G., Klepach, A. N., Porfiriyev, B. N., Uzyakov, M. N. & Shirov, A. A. (2020). Post-pandemic recovery: the Russian economy and the transition to sustainable social and economic development. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 6, 18–26. DOI: 10.47711 / 0868-6351-183-18-26. (In Russ.)
10. Ageev, A. I. & Putilov, A. V. (2020). Humanitarian and technological revolution: experience and challenges of engineering evolution. *Ekonomicheskie strategii [Economic strategies]*, 2(168), 54–63. DOI: 10.33917 / es-2.168.2020.54-63. (In Russ.)
11. Lenchuk, E. B. (2021). Scientific and technological development as a factor in accelerating economic growth in Russia. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific works of the Free Economic Society of Russia]*, 228(2), 126–135. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-126-134. (In Russ.)
12. Bartov, O. B. & Tretyakova, E. A. (2021). Meso-level Model of the Effect of Information and Communication Resources on the Economic Development of Russian Regions. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 17(2), 402–417. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-4>. (In Russ.)
13. Matei, A. & Savulescu, C. (2012). Towards Sustainable Economy through Information and Communication Technologies Development: Case of the EU. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2. DOI: 10.9770/jssi.2012.2.2 (1).
14. Zinilli, A. & De Marchi, M. (2020). Value-added in high technology and industrial basic research: A weighted network observing the trade of high-tech goods. *International Journal of Computational Economics and Econometrics*, 10(4), 398–418. DOI: 10.1504/IJCEE.2020.110778.
15. Castro, C. & Dieguez, T. (2016). The impact of Scientific Research and Development on economic growth — Comparative analysis between Portugal and EU15. *International Journal of Business and Management Invention*, 5, 56–61. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/305609917_The_impact_of_Scientific_Research_and_Development_on_economic_growth-Comparative_analysis_between_Portugal_and_EU15 (Date of access: 22.02.2021).
16. Dresch, S. & Pelc, K. (1989). *Knowledge Centers, Technological Innovations and Regional Economic Growth*. Springer Netherlands, 228. DOI: 10.1007/978-94-015-7835-6_5.
17. Ji Hong & Liang Ting (2021). *The Influence of Scientific and Technological Innovation in Jiangxi Province's Universities on Regional Economic Growth*. DEStech Transactions on Economics, Business and Management. DOI: 10.12783/dtem/eim2020/35190.
18. Gospodarik, C. G. & Kovalev, M. M. (2020). Belarus in the EAEU: problems and perspectives of economic growth. *Journal of the Belaru-sian State University. Economics*, 1, 86–95. Retrieved from: <https://journals.bsu.by/index.php/economy/article/view/2748> (Date of access: 01.15.2021).
19. Glazyev, S. Yu. & Lokosov, V. V. (2012). Assessment of the critical threshold values of the indicators of the state of Russian society and their use in the socio-economic development management. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny. Fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 4(22), 22–41. Retrieved from: <http://esc.vsc.ac.ru/article/317/full> (Date of access: 10.01.2021). (In Russ.)
20. Kuranov, G. O. (2018). Questions of technique used for short-term estimates and macroeconomic forecasting. *Voprosy statistiki*, 25(2), 3–24. Retrieved from: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/626> (Date of access: 01.15.2021). (In Russ.)
21. Diewert, W. E. (1999). Axiomatic and economic approaches to international comparisons. In: A. Heston, R. E. Lipsey (Eds.), *International and Interarea Comparisons of Income, Output, and Prices* (pp. 13–107). University of Chicago Press. Retrieved from: <https://www.nber.org/books-and-chapters/international-and-interarea-comparisons-income-output-and-prices> (Date of access: 15.01.2021).
22. Kravis, I. B., Heston, A. & Summers, R. (1978). *International comparisons of real product and purchasing power*. The World Bank. Retrieved from: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/499951468180561445/pdf/11907000Intern0and0purchasing0power.pdf> (Date of access: 17.01.2021).
23. Ageev, A. A. & Zolotareva, O. A. (2019). Five years of Eurasian integration: statistical analysis of key economic results. *Ekonomicheskie strategii [Economic strategies]*, 8(166), 48–57. Retrieved from: <http://www.inesnet.ru/article/pyatiletie-evrazijskoj-integracii-statisticheskij-analiz-osnovnyx-ekonomicheskix-rezultatov>. DOI: 10.33917/es-8.166.2019.48-57 (date of access: 10.01.2021). (In Russ.)
24. Akaev, A. A., Davydova, O. I., Malkov, A. S. & Shulgin, S. G. (2019). Simulation of the Prospective Trade and Transport Corridors within the Framework of the «One Belt, One Road» Project. *Ekonomika regiona [Economy of region]*,

15(4), 981–995. Retrieved from: https://economyofregion.ru/wp-content/uploads/2019/12/02_akaev.pdf (Date of access: 01.10.2021) (In Russ.)

25. Ricardo, D. (1951). *On the Principles of Political Economy and Taxation*. Works and Correspondence of David Ricardo, Volume I. Cambridge University Press, 135.

Информация об авторах

Рязанцев Сергей Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Scopus Author ID: 22136228700; <https://orcid.org/0000-0001-5306-8875> (Российская Федерация, 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, e-mail: riazan@mail.ru).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Scopus Author ID: 57192987864; <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780> (Российская Федерация, 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Золотарева Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Scopus Author ID: 57220901427; <https://orcid.org/0000-0001-7339-7510> (Российская Федерация, 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, e-mail: OAMahova@yandex.ru).

About the authors

Sergey V. Ryazantsev — Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Scopus Author ID: 22136228700; <https://orcid.org/0000-0001-5306-8875> (6/1, Fotievoy St., Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: riazan@mail.ru).

Tamara K. Rostovskaya — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Scopus Author ID: 57192987864; <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780> (6/1, Fotievoy St., Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Olga A. Zolotareva — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Research Associate, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Scopus Author ID: 57220901427; <https://orcid.org/0000-0001-7339-7510> (6/1, Fotievoy St., Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: OAMahova@yandex.ru).

Дата поступления рукописи: 17.02.21

Прошла рецензирование: 12.04.21.

Принято решение о публикации: 18.06.2021.

Received: 17 Feb 2021.

Reviewed: 12 Apr 2021.

Accepted: 18 Jun 2021.